

БЪЛГАРИТЕ В СЕВЕРНОТО ПРИЧЕРНОМОРИЕ

ИЗСЛЕДВАНИЯ И МАТЕРИАЛИ

ТОМ ОСМИ

ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЕ В МИРОВОСПРИЯТИИ БОЛГАР

Татяна Зайковская

*Границы моего языка — границы
моего мира (Л. Витгенштейн)*

Практическая деятельность человека в объективной реальности, отражаясь психически и закрепляясь в языке, преобразуется во внутреннюю отраженную модель мира и этой деятельности.

Цвет — один из основных объектов мировосприятия, и цветообозначения по праву считаются существенными компонентами языковой картины мира. В объективной реальности существует множество различных тонов и оттенков, но далеко не все они закреплены посредством слова. Дать наименование какому-либо объекту действительности в том или ином языке — значит подтвердить его актуальность для носителей этого языка, очертить его значимость. Однако языки, как правило, довольно скупо отражают богатейшее многоцветье окружающего мира с помощью отдельных лексем.

В большинстве языков особенно активно используются, обладая большой частотностью, лексемы, обозначающие так называемые basic colours (англ.) — основные цвета: бял (белый), черен (черный), червен (красный), син (синий), зелен (зеленый), жълт (желтый), кафяв (коричневый), к которым примыкают виолетов (фиолетовый), розов (розовый) и оранжев (оранжевый). Помимо этого, имеются и такие атрибутивные образования, в которых заключено указание на имплицитное сравнение с денотатом, обычным носителем данного признака, к примеру, малинов (малиновый), божурен (пионовый), лимонов (лимонный), орехов (ореховый) и т. п.

В тех случаях, когда возникает необходимость вербально передать более тонкие цветовые нюансы, приходится прибегать к образованиям имплицитно-описательного характера, например, *гълбовосив*,

кобалтовосин, млечносин, и сравнительным конструкциям с компонентом *като*. Следует отделять подобные речевые явления, носящие прагматичный характер – точнее выразить мысль – от устойчивых сравнений (*жълт като мин, червен като мак, черен като възлен*) или авторского употребления в художественных целях (“В колата впрегнаха Балана и Чивгата, най-хубавите волове на чифлика, и двата едри и с големи рога, *бели като пресни*” – Й. Йовков, “Всеки с името си”; “Очите на Тиха, продълговати и *черни като сливи*, пак тъй дяволито се светеха” – Й. Йовков, “През чумавото”).

В некоторых областях человеческой деятельности, например, в ковроткачестве, коневодстве и т. п., цветовые оттенки приобретают особую значимость, вызывая необходимость их выделения и закрепления с помощью ряда специальных терминов.

Наименования цветов занимают неодинаковое место в языковой картине мира разных этносов, обладая различной национально-культурной значимостью. “Связь цветообозначений с определенными культурно-закрепленными эмоциональными состояниями и ситуациями позволяет рассматривать их как своеобразные “концепты мировидения” (Белов, 1988, 50).

Ее можно выявить на основе изучения литературных источников, словарей, анализа данных ассоциативных экспериментов, опросов информантов и т. п. В болгарском языке “культурно-национальным рейтингом” (термин М. Маринеску и Е. Фодор), по нашим наблюдениям, по нисходящей линии обладают следующие цветообозначения: *бял, черен, червен, зелен, жълт*. Для сравнения приведем сведения относительно других языков. В традиционной русской культуре, по мнению А. И. Белова, “к цветовым этноэидемам прежде всего следует относить *красный, белый, черный и голубой (отчасти синий)*” (Белов, 1988, 50). В румынском языке, согласно исследованиям М. Маринеску и Е. Фодор, выстраивается следующий ряд: *alb* (белый), *negru* (черный), *verde* (зеленый), *galben* (желтый), *albastru* (синий/голубой), *rosu* (красный) (Маринеску, Фодор, 1994, 21).

Компоненты приведенных этнохроматических парадигм проявляют способность к частичной или полной десемантизации дифференциального (цветового) признака: *синя кръв, черна душа, млад и зелен, виждам/гледам през черни очила, бели грижи/ядове/кахъри, черно чернило* и др.

Вообще говоря, в строгом физическом смысле белый и черный цветами не являются (подробные объяснения на этот счет были бы излишними в лингвистической работе) Их принято именовать ахроматическими. Однако в обыденной жизни они традиционно называются цветами, как таковые и воспринимаются наряду с прочими. В культурологическом, семиотическом, психолингвистическом и других

интересующих нас в данной статье аспектах они, также согласно традиции, рассматриваются как цвета. Более того, необходимо отметить, что они входят вместе с красным цветом в так называемую основную цветовую триаду, присутствующую во множестве культур, являясь компонентами цветовой символики, в значительной мере пронизывающей всю систему человеческих представлений. “Основной общечеловеческий треугольник словесных наименований цветов совпадает с триадой цветовых символов в различных мифологиях и ритуалах” (Хелльберг, 1989, 5). Так, например, у болгар, как и у всех славян, основная цветовая триада образует систему, сопоставимую с архаической пространственной моделью мира.

Цветообозначения *бял – черен – червен* входят в состав значительного количества болгарских топонимов: в виде отдельных лексем в неоднословных номинациях или в виде основ в топонимах, состоящих из одного слова. Преобладают среди таких географических названий те, в основе которых лежит цветообозначение *черен* и его производные. Вот целый ряд примеров наименований различных местностей, рек и селений Болгарии с этим компонентом: *Черна гора, Черни връх, Черна, Черна река, Черна поляна, Черна скала, Черно поле, Чернатица, Чернево, Черни Вит, Черни Искър, Черни Лом, Черни Осъм, Черноглавци, Черногорово, Черноград, Чернозем, Чернолик, Черноликово, Черноок* и др. Пантелей Зарев, размышляя над психологическими характеристиками поэтического мышления, восклицает: “Колко много е черното в него! Черно, черно... И Ботев бе казал: “черни ми кърви в земята, майко, черната...” А это – у Гео Милев се появява “черни редици, редовно платени войници”. При голямо различие в стила има единство в стилистиката. Черното идва у него като *еднаква представа за света с образно мислене на народа* (выделено мной – Т. З.), проклинал немотията си. Не може и да бъде иначе при единството в една национална поезика, при дълбоките и корени в обща народопсихология (Зарев, 1976, 117).

По богатству этнолингвистического слоя, а также по способности образовывать бинарные оппозиции на первый план выдвигаются *бял – черен*: белый цвет как символ высшего, светлого, положительного начала противостоит черному как символу начала низшего, темного, отрицательного, например, *бял ден – черен ден; пестя (спестявам, скътвам турям настрана) бели пари за черни дни; (не казвам) ни черно ни бяло; наставка/настане бял/черен ден за някого; ни бял ни черен (не се вестявам/не се обажда), черна душа – светла душа, черен гарван не се губи, черен като катран, на бялото казвам черно, с черен повой е повиван, познавам и черното под ноктите на някого, черна точка, черен*

курс, бяла врана, бял бивол, под бяло да минеш!, бял като вар и др. Всего во фразеологическом словаре болгарского языка представлено 34 фразеологических единицы с компонентом *бял* и 31 – *черен*.

В качестве примера рассмотрим небольшой фрагмент рассказа Ивана Вазова “Дядо Йоцо гледа”, в котором для достижения своих художественных целей мастер использует символические значения ряда наименований цвета:

“Той остана жив, но умря за живота, за светлината... В душата му живееха само образи от черното минало; в неговата старешка бодра памет вълнуваха се тъмен рой спомени от робския живот, спомени грозни и лоши. Той виждаше в мислите си ясно, което е виждал с очите си някога: ясно му се мяркаха в мрака червени фесове, гъжви, камшици, свирепи турци със свирепи лица, една дълга робска нощ без проблясък от радост и надежда, роден в нея и умрял в нея”.

Архетипичная оппозиция *светлый – темный* в сознании носителей языка приближается по своему символическому значению к оппозиционной паре *белый – черный*. Тяготы рабской жизни выступают более ярко и рельефно на фоне сравнения жизни со светом и всем, что с ним связано (*светлината, проблясък, радост, надежда*). Противостоящий ряд лексем – *тъмен, грозни, лоши, нощ* создают картину образов, построенную на контрасте. Даже слово *червени*, в других контекстах имеющее другие коннотации и ассоциирующееся у болгар (как, впрочем, и у ряда других народов, так как цветообозначение *червен*, наряду с *бял* и *черен* входит в архетипичную цветовую триаду) с кровью, жизнью, любовью и т. п., в данном случае соотносится с черным, темным, отрицательным: “се мяркаха в мрака червени фесове”, которые от этого мелькания во мраке сами приобретают черный цвет, во всяком случае в символическом смысле.

Красный и зеленый цвет количественно практически одинаково представлены во фразеологии болгарского языка – во фразеологическом словаре выявлено 11 фразеологических единиц с компонентом *червен* и 12 – *зелен*: *бял-червен, червен като бажур, червен петел, червен кон, червен като ябълка, ставам син-зелен, зелена ливада, зелен от яд, на зелената маса, от зелена тиква семе (не се вземе), зелена работа, прощам/пратя някого за зелен хайвер* и др. В болгарском языке фразеологизмов с компонентом *черен* меньше, чем в русском с компонентом *красный*, – за счет того, что в русском языке эта лексема имела и значение ‘красивый, хороший’.

В целях подтверждения и дополнения сведений о цветообозначениях, почерпнутых из текстовых и словарных источников, было также осуществлено психолингвистическое исследование, основанное на свободном ассоциативном эксперименте.

Исследование ассоциативно-вербальной сети, являющейся еще одной ипостасью языка, выделяемой в последнее время лингвистами (наряду с языком-совокупностью, находящим свое воплощение в текстах, и языком-системой, отраженным в словарях и грамматиках), позволяет выявить психологически релевантные связи и отношения, не нашедшие отражения в двух указанных традиционно принятых способах представления языка (см., например, Зайковская, 1998 – о результатах такого рода исследования на материале сопоставления русского, румынского и болгарского языков).

С подробными условиями проведения такого эксперимента можно ознакомиться в специальной литературе. Механизм его состоит в том, что испытуемым дается слово-ассоциат в ответ на слово-стимул. Анализ полученных ассоциаций с помощью определенной методики дает возможность сделать ряд выводов.

В качестве участников свободного ассоциативного эксперимента выступали болгары Молдовы, относящиеся к различным половозрастным группам, разного рода занятий – всего 180 человек. Словами-стимулами послужили наименования цветов – *бял, черен, червен, жълт, зелен, син, кафяв, сив, розов, виолетов, портокалов*.

Как было показано выше, не все так называемые основные цвета входят в этнохроматическую парадигму. Однако в исходные материалы эксперимента был осознанно включен и ряд таких наименований цветов, составляющих basic colours, которые, хотя и не вычлениются в качестве компонентов названной парадигмы, тем не менее позволяют выявить многие национально-культурные коннотации, связанные с ними. Кроме того, в список слов-стимулов были внесены и цветообозначения *розов, виолетов, портокалов*, вообще не входящие в basic colours, с тем, чтобы проследить реакцию испытуемых на них и тем самым оттенить их соответствующие ассоциативные реакции на цветообозначения двух других групп. Таким образом, было привлечено три группы наименований цветов, предложенных участникам эксперимента в качестве слов-стимулов – всего 11 прилагательных.

Рассмотрим наиболее частотные ассоциации, зафиксированные в ходе работы с испытуемыми.

Результаты эксперимента свидетельствуют о том, что наибольшее единодушие – вне зависимости от пола, возраста и рода занятий – информанты проявили в отношении следующих цветообозначений: *бял – сняг/ден, черен – земля/нощ, червен – кръв, жълт – слънце, зелен – трева*, что косвенно еще раз подтверждает закономерность их отнесения к цветовым этноэйдемам болгарского языка (см. выше).

Довольно частотными оказались, правда, и реакции *портокал* и *кафе* на стимулы *портокалов* и *кафяв*. Апельсин и кофе у носителей болгарского языка выступают в качестве эталонов оранжевого и коричневого цветов в реальной жизни, определенную формальную роль в механизме выдвигания данных ассоциаций сыграл, по-видимому, и деривационный фактор: лексема *портокалов* образована от производящей основы *портокал*, а *кафяв* – от *кафе*. Однако же эти два цветообозначения не обладают национально-культурной значимостью.

Синий цвет подавляющее большинство информантов-болгар ассоциирует с небом (эта часть спектра не подразделяется ими на синий и голубой), в то время как, например, русские в ходе эксперимента последовательно связали синий с морем, голубой – с небом.

Другими, тоже достаточно частотными реакциями на цветообозначения-стимулы явились следующие:

бял – мляко, хляб, чистота, ангел, смърт, платно, сватба, невеста;

черен – очи, коса, кокошка, агне, боб, смърт, траур, гроб;

червен – цвете, цвят, любов, вино, знаме, роза;

жълт – пиле / пиленце, жълтък, яйце, жито, есен, злато, болен човек;

зелен – пролет, лист, лято, шума, живот, тишина, спокойствие, Молдова;

син – море, дълбочина, синчец, космос;

кафяв – куче, мечка, обувки, пуловер, под, маса;

сив – дъжд, мъгла, пепел, котка, вълк, тъга, мъка, лошо настроение;

розов – бузи, жена, дете, детинство, нежност, роза;

оранжев – мандарин, горещина, "Фанта", екзотика;

виолетов – теменужка, официална рокля, еlegantност, тревога.

На реакции испытуемых, конечно, оказывали влияние их возраст, пол, род занятий. Например, у школьников, изучающих болгарскую литературу, и специалистов по болгарской филологии возникали ассоциации, имеющие опору в творчестве болгарских писателей и поэтов, в художественных образах и символах: *червен* – Багряна, Фурнаджиев; *бял* – Ботев, ластовичка (несомненно связь с образом белой ласточки из рассказа Й.Йовкова), *жълт* – Христо Смирненски (за то, что его поэзия пронизана желтым цветом, его прозвали "слънчево дете") и др. Пожилые женщины, которые работали на табачных плантациях, в качестве реакции на стимул *зелен* выдвинули слово *тютюн*. У молодежи многие ассоциации были связаны с рекламными телеобъявлениями, телесериалами.

В ответах информантов встретились ассоциации, возникшие на базе устойчивых словосочетаний, идиом, фольклорных формул: *бял* – ден, врана, *кахъри*, *стихове*, *черен* – черно агне, *черна кокошка* (вспомним одну из болгарских народных песен: *Заколи ми черна кокошка! Ох, мъже, болна съм...*), *панделка* (ср. фразеологическую единицу *ще си вържа черна панделка!* – ирон.), *жълт* – *жълтоустен* (ср. *да си има жълто около устата*) и др.

Реакции *очи*, *коса*, *мустаци* на стимул *черен* отражают характерную для болгар как для этнического типа доминирующую и предпочитаемую внешность. Ср. болгарский словарный эквивалент русского выражения *ради прекрасных глаз* – *заради черни очи*. У румын и молдаван это предпочтение выражено еще более недвусмысленно: *dacă n-ai ochi negri, săruți și albaștri* (если нет черных глаз, поцелуешь и голубые).

В целом, основная масса реакций на цветообозначения-стимулы, выявленных в ходе свободного ассоциативного эксперимента у болгар, проживающих в Молдове, совпадает с наиболее частотными ассоциациями, полученными исследователем Мони Алмалехом в Болгарии (Алмалех, 1997).

Литература

Алмадех, М. Българска норма за словесни асоциации на термини за цвят // Български език, 1997/98, кн. 2.

Белов, А. И. Цветовые этноэидемы как объект этнопсихолингвистики // Этно-психолингвистика. Москва, 1988.

Зайковская, Т. В. Этнокультурная информация в сравнительных конструкциях болгар, молдаван и русских // *Relațiile moldo-bulgare on epoca medie și moderna*. Chișinău, 1998.

Зарев, П. Народопсихология и литература. Аспекти на стила. София, 1976.

Маринеску, М., Фодор, Е. Культурологический аспект цветообозначений в русском и румынском языках // *Filologie rusă- Referate și comunicări*. XIV/ Editura Universității București. 1994.

Хелльберг, Е. Цветовая триада в народной традиции // Литературный процесс: внутренние законы и внешние взаимодействия. Уч. Записки Тартуского ун-та, № 897. Тарту, 1989.